

© 1994 г. И.Г. РУЗИН

**КОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ИМЕНОВАНИЯ: МОДУСЫ ПЕРЦЕПЦИИ
(ЗРЕНИЕ, СЛУХ, ОСЯЗАНИЕ, ОБОНЯНИЕ, ВКУС)
И ИХ ВЫРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ***

Окружающий человека мир может быть описан на нескольких уровнях:

1) на физико-математическом уровне: абстрактно-объективная реальность, описываемая в терминах физики и математики (точка, прямая, плоскость, движение, тело, скорость и т.д.) при игнорировании взаимоотношений воспринимающего и воспринимаемого – мир неодушевленных вещей;

2) на экологическом уровне: мир, опосредованный жизнедеятельностью, мир иерархизированный и аксеологизированный, в котором вещи и явления представляют определенную иерархию значений и ценностей – мир живых существ. При описании мира на экологическом уровне прежде всего необходимо определить, что может, а что не может восприниматься. "Органы чувств животных, то есть воспринимающие системы не способны обнаружить атомы и галактики, но в пределах доступного им эти воспринимающие системы способны обнаружить определенный круг предметов и событий" [1, С. 35]. Таким образом, экологический мир является лишь частью физического мира, так как живым существом воспринимается лишь то, что для него так или иначе значимо;

3) на языковом уровне: мир, опосредованный еще и языковым сознанием, в котором к ограничениям, налагаемым восприятием, добавляются ограничения, обусловленные закономерностями языка. Для описания мира на этом уровне прежде всего необходимо определить, что из воспринимаемого мира может выражаться в языке, и каким закономерностям это выражение подчиняется.

Итак, тема данной работы: определить, что из воспринимаемого мира может выражаться в языке, и каким закономерностям это выражение подчиняется. Для исследования выбираются аспекты, относящиеся к восприятию окружающего мира с помощью пяти внешних органов чувств: зрения, слуха, осязания, обоняния и вкуса. Мы определяем это как *п е р ц е п т и в н ы е* модусы, или *м о д у с ы* *п е р ц е п ц и и*. Кроме этого мы выделяем в зрении несколько субмодусов: восприятие света, цвета, формы и размера, исключая из рассмотрения "внеобъектные" визуальные характеристики – положение в пространстве и пространственное перемещение (следует отметить, что перечисленными субмодусами визуальное восприятие отнюдь не исчерпывается). Вслед за большинством современных психологов мы сужаем и понятие тактильности, ограничивая его восприятием качества поверхности и консистенции и исключая из него характеристики температуры и массы [2–4].

Исследование проводится на материале русского языка. В настоящей статье мы попытаемся описать, что и как лексикализует язык, т.е. для обозначения каких понятий и по каким принципам создаются специальные лексические единицы. Мы попробуем построить, с одной стороны, картину того, как отображается воспринимаемый мир русским языковым сознанием, а с другой – модель исследовательского

* Настоящая работа выполнена в рамках исследовательского проекта "Язык и знания. Когнитивные исследования" (руководитель акад. Ю.С. Степанов), финансируемого Институтом языкознания РАН и Российским фондом фундаментальных исследований.

процесса. Это даст в дальнейшем возможность установить, какие из закономерностей, выявленных в результате исследования, универсальны, а какие характерны лишь для русского языка.

В данной работе описывается лишь один из аспектов этой огромной темы, а именно: специфика выражения в языке статического, или характеризующего признака (терминология наша. — И.Р.). В русском языке этот признак выражается прилагательным: *красное яблоко, громкий крик, сладкий пряник* и т.д.

Перед тем, как перейти к анализу материала, обозначим некоторые принимаемые в работе допущения. Во-первых, мы употребляем термин "именовать" в достаточно широком смысле, относя его не только к существительным, но и прилагательным и глаголам. Как указывал акад. Виноградов, "всем этим словам присуща номинативная функция. Они отражают и воплощают в своей структуре предметы, процессы, качества..." [5, С. 34].

Во-вторых, анализируя особенности атрибутов, мы исключаем из рассмотрения все их неперцептивные значения и употребления. Таким образом, мы не рассматриваем сочетания типа *черная работа, сладкий сон, ясный ум* и другие, не имеющие непосредственного отношения к перцепции.

Существует ряд параметров, общих для перцептивных модусов и специфически преломляющихся в каждом из них. К их описанию мы и переходим.

Рассмотрим несколько словосочетаний:

а) <i>черный уголь</i>	б) <i>большое яблоко</i>	в) <i>монотонный плач</i>
<i>черный хлеб</i>	<i>большой дом</i>	<i>монотонное бормотание.</i>

На основе этих примеров можно выделить три типа атрибутов, отличающихся друг от друга нахождением когнитивной точки референции. Для цвета точкой отсчета служит некий "максимум цвета", некий "эталон черноты" (допустим, цвет сажи или угля). Для второй пары признаков подобной точкой отсчета выступает не максимум, а медиум, т.е. некая норма, от которой отсчет идет в обе стороны: *яблоко* или *дом* средних размеров. В третьем же случае значение слова определяется иначе: мы не можем задать эталон монотонности (максимально монотонный звук) и в то же время, вряд ли можно признать когнитивной точкой референции некий "медиум" монотонности (среднюю монотонность).

На основе данного критерия мы противопоставляем три типа перцептивных атрибутов, условно называя первые (а) эталонными, вторые (б) — градуальными и оставляя третьи (в) без специального названия. Естественно, что поскольку язык представляет собой принципиально нежесткую, динамическую систему, имеется достаточное количество переходных единиц.

1. ЭТАЛОННЫЕ АТРИБУТЫ

Итак, для нашего противопоставления эталонных атрибутов градуальным важна именно когнитивная точка отсчета — максимум у эталонных и медиум у градуальных. Все остальные особенности пока выступают менее значимыми. Мы рассматриваем, например, *черный* и *белый* не как градуальные, а как эталонные атрибуты, и этому никак не мешает наличие слова *серый* (хотя следует все же отметить, что эталонность этих двух цветов менее очевидна, чем всех остальных). Главное то, что можно задать эталон цвета: идеально черный или белый цвет, позволяющий при описании значения слов *черный* или *белый* не обращаться к их взаимному противопоставлению.

Эталонные атрибуты, в свою очередь, подразделяются на два типа в зависимости от способа выражения эталона: а) эталон может быть задан самой внутренней формой слова: *лимонный цвет, атласная бумага, хвойный запах* и т.д.; б) эталон может быть задан вне слова. В этом случае внутренняя форма не указывает на объект, модусный признак которого выступает эталоном, но тем не менее языковое

сознание соотносит атрибут с определенным объектом: *черный* – "цвет угля", *кислый* – "вкус лимона" и т.д.

Обозначим условно первые атрибуты как *денотатные*, а вторые, соответственно, как *неденотатные*.

Начнем с анализа того, насколько характерны эталонные атрибуты для перцептивных модусов, каковы их специфические особенности в отдельных модусах, а также какого рода объекты могут выступать в качестве эталонов в различных перцептивных модусах.

1. Цвет.

Цвет – возможно, самое ясное визуальное качество, воспринимаемое человеком и имеющее для него первостепенное значение. Мы принимаем решение относительно цвета, когда выбираем, какую одежду носить, когда украшаем комнату, красим дом или избираем цвет новой машины [6, с. 112].

Вероятно, поэтому цвет привлекал столь пристальное внимание исследователей во всех областях науки. Существуют разработанные классификации цветов, построенные на самых различных принципах [7; 8] детально исследованы параметры цвета с физической и психологической точек зрения [9; 6]. Столь же широкий интерес к этому вопросу проявляет и лингвистика: написано много работ, посвященных самым различным аспектам данной темы [10–12]. Таким образом, материал исследован достаточно полно. Мы не претендуем на какие-либо открытия в этой области и лишь рассматриваем весь материал в несколько ином ракурсе, а именно, сопоставляя его с атрибутами других перцептивных модусов.

Цвет, вероятно, один из наиболее "эталонных" модусов: трудно определить цвет, не используя образцов, поскольку восприятие цвета есть "индивидуальный опыт" [6, с. 134]. Р.М. Фрумкина отмечает, что существует два способа толкования "имен цвета": указание типичного объекта, имеющего данный цвет, и толкование одних имен цвета через другие [10, с. 17]. Тем не менее, все цвета, в принципе, имеют прототипические эталоны: как денотатные, так и неденотатные (*вишневый цвет* – "цвет вишни", *красный* – "цвет крови", *белый* – "цвет снега или мела"). Даже когда значение цвета определяется словарной традицией, а, возможно, и языковым сознанием через другие цвета, в любом случае остается возможность задания эталона: *вишневый* – "темно-красный густого тона" и в то же время – "цвет спелой вишни".

Ряд прилагательных несет значение цвета непосредственно (*красный, синий, желтый* и др.), однако большинство атрибутов выражают этот признак как относительный [5, 158]. Абсолютное большинство цветов денотатно. Основные эталонные объекты распределяются по следующим типам: а) камни: *изумрудный, рубиновый*, б) растения: *лимонный, сиреневый*; в) металлы: *медный, серебряный*; г) животные: *мышинный, тигровый*; д) прочие: *дымчатый, пепельный*. Интересно отметить такой момент: круг именных основ (т.е. эталонов) менялся в истории языка. Как указывает В.В. Виноградов, для древнерусского языка были характерны такие прилагательные цвета, как *жаркий, крапивный, маковый, осинový, сливовый, смородиновый* и др. [5, с. 159].

Денотатные атрибуты цвета чрезвычайно легко экстраполируются на всевозможные объекты. Основное поле приложения цветových атрибутов – обозначение цвета различных артефактов: машин, одежды, ковров, книжных переплетов и т.д. Здесь сфера применения атрибута ограничивается лишь реальной близостью цветов.

2. Форма.

В отличие от психологически элементарного цвета, форма представляет собой комплексное образование. По общепринятому мнению психологов, "восприятие формы включает оперирование более элементарными единицами" [13, с. 219]. Лингвистическая категория формы намного более расплывчата и менее определена, чем категория цвета. В большинстве случаев почти не возникает вопрос (при знании значения слова и контекста) о том, является то или иное прилагательное

обозначением именно цвета или нет. Тогда как в случае с формой существует достаточная неопределенность в отнесении того или иного слова к параметру формы. Скажем, *скрюченный, витой, вьющийся, квадратный, воронкообразный* и т.д. все же представляют собой менее однородное целое, чем обозначения цветов, и в ряде случаев лишь с оговорками могут быть отнесены к категории именно формы.

Большинство атрибутов, традиционно причисляемых к категории формы, эталоны, и эталон задан первичным денотатом. Достаточно четко противопоставляются два типа денотатов: а) геометрические фигуры и тела: *квадрат – квадратный, конус – конический*; б) негеометрические объекты: *серп – серповидный, яйцо – яйцеобразный*.

В отличие от денотатов цвета, денотаты формы не поддаются столь четкой классификации. Разнообразие эталонных объектов огромно: *рог, серп, пирамида, яйцо, волна, игла* и т.д.

Тем не менее, какие-то закономерности могут быть выделены и здесь. Так же, как и в предыдущем разделе, мы рассмотрим вопрос с двух точек зрения: чему уподобляется форма объектов, с одной стороны, а с другой – какого рода объекты могут быть уподоблены эталонным формам.

Чему могут быть уподоблены объекты? Во-первых, геометрическим телам и фигурам: *конусообразный купол, шаровидная крона дерева* и т.д. В данном случае сравнение, очевидно, необратимо, а сравниваемые члены – неравноправны. Геометрические тела и фигуры заданы абсолютно, на основе четких правил и определений. Это абстракции. Следовательно, они являются предельным (идеальным) приближением к эталону. Естественно, что в таком случае они сами ничему уподобляться не могут: *ср. 'куполообразный конус,' пальчатый цилиндр* и т.д.

Во-вторых, одни объекты могут быть уподоблены другим реальным объектам. Этот континуум сравниваемых форм и форм для сравнения достаточно нечеток и вариативен. Возможно, что формы предметов, выступающих эталонами, в этом отношении более маркированы и специфичны, чем уподобляемые: с одной стороны, *яйцо, груша, рог, шатер, нить, лист, червь* и т.д., обладающие достаточно характерной формой, с другой – *кактус, бактерия, голова, облако, купол, солка, кровля, след, мост, брови* и т.д., большинство из которых не имеют специфической, а иногда и определенной формы (ср. возможность абсолютно разной формы облаков, следа, снега, моста, крыши и т.д.). Некоторые объекты могут выступать в одних случаях как объект для сравнения (*лист оое железо*), а в других – как сравниваемый объект (*перистые листья*). Одной из причин этого выступает уже отмеченный выше неэлементарный характер формы.

Различие геометрических и негеометрических атрибутов не ограничивается лишь рассмотренным выше. Характер уподобления геометрическим и негеометрическим формам различен. Первые могут обозначать как полное подобие эталону (*квадратный стол, пирамидальное строение*), так и различные приближения к нему (*квадратные плечи, пирамидальный тополь*). В этом они сходны с неденотатными цветами, большинство из которых также обозначают и полное тождество эталону (*белый снег, красная кровь*), и лишь подобие ему (*белое вино, красное лицо*). Таким образом, само слово не указывает нам на степень аппроксимации, это значение извлекается лишь из словосочетания.

Атрибуты, ориентированные на реальные объекты, в этом плане несколько отличаются: уже в самом атрибуте содержится указание лишь на подобие, а не на тождественность. Если слово *квадратный* означает в идеале "имеющий форму квадрата", то слово *иглообразный* указывает лишь на подобие формы, а не на тождество; уже само слово означает "подобный, приближающийся к форме предмета, обозначенного корнем слова". Таким образом, первые атрибуты могут употребляться как в абсолютном, так и в аппроксимальном значении, тогда как вторые – только в аппроксимальном.

Интересно, что пространственные, а не плоскостные, геометрические формы в этом отношении амбивалентны: *конический* и *шарообразный* (*сферический*) так же, как и *квадратный*, могут означать идеальное приближение; но уже *конусообразный*, *шаровидный* (*сфероидальный*) указывает лишь на подобие.

Геометрические плоскостные признаки имеют одну особенность: они очень часто соотносятся с пространственными объектами (*квадратные плечи*, *круглая голова*). Как кажется, в данном случае аппроксимация относится не собственно к форме объекта, а к форме проекции этого объекта на плоскость (иначе в строгом смысле употребление этих атрибутов незаконно).

Неденотатные цвета и геометрические формы обнаруживают скорее сходство между собой, чем различие. В то же время формы второго типа и денотатные цвета во многом отличаются. Производные цвета, в отличие от формы, допускают значительно меньшее отступление от эталона: если *древовидный* может лишь весьма отдаленно напоминать дерево, то *изумрудный* не должен выходить за весьма узкие рамки.

О чем это говорят? Вероятно, о том, что цветовой континуум поделен гораздо детальней и избыточней, чем континуум формы. В принципе, любой цвет можно описать как оттенок основного или комбинацию основных [8], тогда как остальные цвета во многом факультативны. В противоположность этому геометрическая форма отнюдь не исчерпывает возможный континуум и все многообразие форм к ней отнюдь не сводится. Следовательно, в мире формы гораздо больше пустот и, следовательно, большая степень свободы уподобления.

3. Тактильность.

Данный модус, вероятно, представляется языковому сознанию еще более размытым, чем форма. В обычном языке даже подобрать слова, чтобы назвать параметр, под который подводится ряд перцептивных признаков, можно с трудом. Их приходится заимствовать из подъязыков науки и определять тактильные атрибуты как относящиеся к восприятию качества поверхности и консистенции.

С помощью кожной рецепции человек познает широкий круг качеств предметов: гладкость, упругость, влажность, масляничность и т.д. Субъективные образы этих свойств далеко не всегда могут быть представлены как разновидности элементарных кожных ощущений: прикосновения, давления, тепла, холода, боли и т.д. В психологии имеется еще мало данных, раскрывающих условия формирования отражения перечисленных свойств [2, с. 209]. Возможно, причиной такой неопределенности является то, что в кожной перцепции главным выступает принцип не модальности, а топографии.

Большинство тактильных атрибутов не-эталонны (*мягкий*, *гладкий*, *загрубелый* и т.д.). Однако есть и ряд эталонных. Все они денотатные, т.е. эталонный объект задан самой внутренней формой слова. Качество поверхности характеризуется прилагательными *атласный*, *бархатный*, *шелковый*, *восковой*, *пергаментный*, консистенции – *мочалистый*, *губчатый*, *студенистый*, *мясистый*, *желеобразный*, *творожистый*, *воздушный*, *пружинистый*. От этих слов следует отличать слова типа *ноздреватый*, *ячеистый*, *пещеристый* и некоторые другие, имеющие значение не "подобный по консистенции/качеству поверхности", а "обильный чем-либо", "состоящий из чего-либо".

Возможно, приведенный список не полон, тем не менее, значительно большая бедность данного модуса эталонными атрибутами по сравнению с модусами цвета и формы очевидна. Интересно отметить и весьма ограниченную употребимость подобного рода атрибутов. Так, ряд слов дан в четырехтомном словаре русского языка [14] без обычных для его статей примеров из произведений художественной литературы. Приведены просто вне контекста атрибутивные словосочетания: *творожистая масса*, *желейный мармелад*, *тестообразная глина*. Вероятно, подобного рода прилагательные тяготеют к специально-научным терминам типа *гелеобразный*,

газообразный, зольвидный. Для других эталонных тактильных атрибутов сфера приложимости также значительно уже, чем у атрибутов цвета или формы. Часто они входят в устойчивые словосочетания: *шелковая трава, атласная бумага, пергаментная кожа* и т.д.

4. Вкус.

Цвет и форма представляют собой классический пример эталонных атрибутов. В остальных модусах чистота картины нарушена. Мы видели, что в тактильности доля денотатных (эталонных) атрибутов невелика, а их сочетаемость (экстраполируемость) весьма ограничена. Несколько по-иному проявляются эталонные атрибуты у вкуса. Чрезвычайно примечателен тот факт, что вкус вообще традиционно считается периферийной перцепцией. В психологии выходят тысячи работ, посвященных зрению и слуху, работы же по природе вкуса исчисляются десятками. В фундаментальной монографии Е. Голдштейна "Ощущение и восприятие" анализу вкуса уделено лишь 7 страниц [6 с. 422–429]. Неизвестно, насколько неразработанность этой проблемы определяется недостатком интереса к ней, а насколько – неясным характером самой перцепции. Так, до сих пор психологам неизвестно, как именно химическая стимуляция органов вкуса преобразуется в электрические сигналы, поступающие в мозг [6, с. 27]. Неясна также локализация центров восприятия вкуса в коре головного мозга [6, с. 32].

Столь же неопределенным является статус вкусовых атрибутов и в языке. Для своего описания вкус имеет намного меньше слов, чем другие модусы. Все многообразие вкусовых ощущений передается не с помощью прилагательных, а так называемым "родительным качеством". Как указывает акад. Виноградов, "в широком употреблении этого родительного качества рельефно выступает тенденция заменять определение указанием отношения определяемого к тому отвлеченному представлению, с которым связывается представление о тех или иных качествах" [5, с. 159]. Намного привычнее звучат фразы типа *этот вкус напоминает вкус яблока, груши, свинины, кофе, апельсина*, чем аналогичные *этот вкус напоминает яблочный, грушевый, свиной, кофейный, апельсиновый*. Несогласованные атрибуты есть и в модусах цвета и формы, но там они, по крайней мере, не исключают разветвленную сеть атрибутов-прилагательных.

Как кажется, это должно быть чем-то обусловлено: почему атрибуты остальных модусов преимущественно обозначаются прилагательными, а вкус нет? Возможно, это лишний раз подтверждает идею психологов о его периферийном характере и меньшем значении для жизнедеятельности человека. Следствием данного факта является его меньшая структурированность и оформленность в языке: язык не нуждается в лексикализации ряда периферийных понятий, а предпочитает конструировать их по мере необходимости.

Тем не менее, существует ряд прилагательных, четко соотносимых с модусом вкуса. В своем большинстве они эталонны. Интересно, что в отличие от атрибутов формы и тактильности, эталонные атрибуты вкуса включают как денотатные, так и неденотатные. Основные эталонные атрибуты определяются словарем через вкус эталонного объекта: *сладкий* – "подобный вкусу сахара", *кислый* – "подобный вкусу лимона".

Эталоны вкуса (как, впрочем, и цвета) различаются по языкам. Например, эталоном *горького* выступает для русского языка – полынь, хина, для литовского – перец, для английского – корка апельсина, кофейный осадок [15]. Чрезвычайно примечательным представляется тот факт, что основные вкусовые атрибуты, выделяемые языком, ложатся в основу классификации вкуса в психологии. Почти во всех предлагаемых списках основными оказываются сладкий, горький, кислый, соленый (их выделял еще Аристотель, добавляя вяжущий, резкий, острый). Иногда к четырем основным вкусам добавляется вкус пресной воды [6, с. 426].

Неденотатные вкусовые атрибуты во многом подобны неденотатным цветам: они

имеют чрезвычайно высокую сочетаемость (и, следовательно, возможность экстраполяции) и могут означать как эталон, так и весьма отдаленные приближения к нему: *сладкий сахар – сладкий перец*.

Несмотря на то, что основные вкусовые ощущения передаются в языке не прилагательными, а родительным качества, все же ряд полуузуальных денотатных атрибутов существует. Возможности их сочетаемости (экстраполяции) не до конца понятны.

Объекты, обладающие вкусом, достаточно четко подразделяются на съедобные и несъедобные. Представляется интересным то, что язык специально лексикализует именно атрибуты, соотносимые с несъедобными объектами: *металлический вкус, деревянистый вкус* и т.д.

Еще одну интересную проблему образования и употребления прилагательных вкуса ставит развитие пищевой промышленности. Для русского языка это относительно новое явление, так как только последние несколько лет для массового потребителя стали доступны искусственные пищевые (вкусовые) продукты: *кремы, мороженое, ликеры, жевательная резинка* и т.д. Неизвестно, насколько это распространено в литературном языке (из-за значительных трудностей определения самого понятия в сегодняшней ситуации), но в разговорном языке намечается довольно широкая тенденция употребления прилагательных для описания искусственно создаваемых вкусов. Часто можно услышать *шоколадный вкус ликера, клубничный вкус крема*.

Запах.

Запах очень часто рассматривают в паре со вкусом. Они достаточно тесно связаны и в сознании человека, и в психологических исследованиях. Они в равной мере подвергаются исследовательской дискриминации и их природа в равной мере остается недостаточно ясной. Расположение центров запаха в коре головного мозга так же, как и центров вкуса, неизвестно [6, с. 32].

В языке атрибуты запаха тоже имеют много общего с атрибутами вкуса. Однако, это касается только денотатных прилагательных. В отличие от вкуса, большинство атрибутов запаха не-эталонны: трудно подобрать эталон для *сладкого, душистого, ароматного, стойкого* запахов. Все эталонные атрибуты запаха денотатны.

Здесь, так же как и в случае со вкусом, представляется примечательным то, что неясности, возникающие при попытке описать атрибуты запаха в языке, во многом сходны с проблемами, стоящими перед психологами. Дж. Десор указывает, что при идентификации запахов трудности возникают не столько из-за несовершенства обонятельной системы человека, (которая на самом деле весьма совершенна [16]), сколько из-за трудности извлечения названий запахов из памяти [17]. Но почему извлечь название запаха из памяти труднее, чем, скажем, цвета? Возможно, в данном случае проблемы лингвистики и психологии восприятия перескакают теснее, чем где бы то ни было.

В отличие от достаточно единодушного выделения основных вкусовых признаков, общепринятой классификации запахов не существует. Как указывает Е. Голдштейн, "существуют тысячи запахов, которые мы не можем описать из-за отсутствия обозначений" [6, с. 143]. Но, может быть, здесь переставлены местами причина и следствие? Можно ведь описать "тысячи вкусов", используя имеющиеся в естественном (а не научном) языке обозначения. Возможно, столь большая лингвистическая нечеткость и расплывчатость данного модуса к какой-то мере определяется и экстралингвистическими параметрами? Как отмечает тот же ученый, "результаты экспериментов указывают на значительно более диффузный способ кодирования сигналов в обонятельной системе, чем в других сенсорных системах" [6, 421].

Денотатные атрибуты запаха обладают рядом особенностей, не характерных для денотатных атрибутов вышерассмотренных модусов. Во-первых, в отличие от всех

рассмотренных ранее атрибутов, запах наименее объектен: цвет, форма, тактильные параметры, вкус локализованы в определенном теле. У запаха же очень часто в роли объекта выступает локус: *В комнате стоял хвойный/фиалковый/ландышевый запах*. Это влияет на природу его атрибутов: если денотатные атрибуты трех предыдущих модусов обозначали подобие однопорядковых параметров сравниваемого объекта и эталона, то атрибуты запаха могут характеризовать и сам источник запаха. Когда мы говорим *Я чувствую запах кофе*, то вполне правомерно предположить, что источником этого запаха и окажется сам кофе. В то же время труднее представить фразу *Это предмет лимонного цвета*, сказанную применительно к самому лимону.

Так же интересен вопрос о влиянии на формировании прилагательных запаха развития парфюмерной промышленности. Сошлемся опять на исследования психологов. Они отмечают, что в последнее время наблюдается значительное увеличение использования искусственных запахов: духи, одеколоны, лосьоны, шампуни, мыло и т.д. Апофеозом этого явился выпуск фирмой Aroma Disc System системы, извлекающей пахучие вещества из специальных дисков и за одну-две минуты наполняющей комнату выбранным ароматом [6, с. 417].

Возрастание роли искусственных запахов в какой-то мере отражается и на языке: лексикализуются и все больше смещаются в разряд эталонных названия многих естественных запахов (*хвойный, миндальный, ландышевый, яблоневый* и т.д.). Этим усиливается граница между атрибутами, тяготеющими к значению "подобный запаху X" (т.е. типично эталонными), и атрибутами "издаваемый X-м": *гнилостный, тленный, плесенный*. Интересно, что последнее значение гораздо ярче у запахов, воспринимаемых как негативные, и потому немоделируемых.

На примере атрибутов вкуса и запаха небезынтересно наблюдать процесс превращения относительных прилагательных в качественные. Поскольку эти два модуса имеют лишь незначительное количество качественных прилагательных, применительно к ним часто используются прилагательные относительные. В предложении *В кухне от пола до потолка стоял дым, состоявший из утиных, гусиных и других запахов* (цит. по [18]) прилагательные *утиный, гусиный* выступают как относительные. "Однако по мере того, как связь относительного прилагательного с его первообразным существительным становится все более и более отдаленной, увеличивается его отвлеченность, безотносительность, качественность, ибо качественность прилагательного есть лишь другое имя его безотносительности" [19, с. 527]. Процесс дифференциации качественных и относительных значений прилагательного в пределах одного слова, подвижность и нечеткость этой границы можно достаточно ясно наблюдать на примере развития прилагательных запаха.

6. Свет.

Рассмотрев эталонные атрибуты тактильности, вкуса и запаха, мы вновь возвращаемся к одному из визуальных субмодусов – свету. Эта последовательность рассмотрения модусов диктуется особенностями природы их эталонных атрибутов. И примечательно то, что эталонные атрибуты света имеют очень много общих черт с атрибутами запаха. Во-первых, как и у запаха, большинство атрибутов света не-эталонны: *блестящий, сияющий, сверкающий* и т.д. Во-вторых, все эталонные атрибуты света денотатны. И, в-третьих, их значение, в отличие от значений эталонных атрибутов цвета, формы, тактильности и вкуса, несколько иное, чем "подобный качеству света, испускаемому эталонными объектами".

Ряд слов сочетаются со словом *свет* и характеризуют источник: *солнечный, лунный, фосфорический, фосфористый, фосфорный, неоновый*. *Солнечный* может употребляться не только по отношению к свету, но и метонимически, по отношению к объектам, освещенным таким светом или содержащим такой свет: *солнечный день, солнечная поляна, улица*. *Фосфорический/фосфорный* употребляется только по отношению к свету или его гипонимам (*блеск, освещение, блики* и т.д.). В словаре [14] приводятся примеры употребления этих слов: *Вода под ударами весел загоралась*

голубоватым фосфорическим сиянием. Фосфорический неживой свет луны, фосфорный блеск в воде. Неоновый употребляется и по отношению к свету, и по отношению к источнику этого света (неоновая реклама). Интересно отметить, что неоновый является относительно новым словом.

Также амбивалентно по отношению к оппозиции "источник" – "свет этого источника" слово *лучистый*: *лучистый свет месяца, лучистые звезды*. В отличие от *солнечный, лунный* (денотат – тело, испускающее данный свет) и от *фосфорный, неоновый* (вещество, испускающее данный свет), *лучистый* – характеризует способ испускания света (в виде лучей).

Таким образом, выясняется интересная вещь: как и атрибуты запаха (и даже еще сильнее) атрибуты света тяготеют к характеристике не параметров сравниваемого предмета, а параметров самого эталона (источника). Видимо, называть их эталонными следует с достаточно большой осторожностью. Возможно, данное явление имеет под собой и какую-то экстралингвистическую основу: объекты, излучающие свет, а также запах и звук, самодостаточны для восприятия, в то время как все остальные параметры зрительного восприятия (в особенности цвет) представляют собой пассивный объект внешнего воздействия [20, с. 125]. Они не самодостаточны.

С другой стороны, различие типов источников света настолько мало, что их можно перечислить по пальцам. Этим определяется невозможность широкой экстраполяции световых атрибутов. Большинство предметов не светятся, но почти все так или иначе имеют цвет.

7. Звук.

Слух, как и зрение, традиционно считается одной из основных перцепций в жизнедеятельности человека. Это те два модуса, которым посвящено наибольшее число психологических исследований. Тем не менее, как отмечают психологи, "мы знаем намного больше о зрении, чем о слухе" [6, с. 348]. Почти не обсуждался, в частности, вопрос об изучении целостного слухового образа [20, 4].

В психологии, говоря о классификации звуковых параметров, различают, с одной стороны, физические характеристики звука, а с другой – психические. Звуки как объекты слухового восприятия подразделяются по природе источника на натуральные и искусственные, а по информационному содержанию – на коммуникативные и характеризующие среду [20, с. 70]. Психологически большинство звуков воспринимаются как эталонные: "даже при прослушивании незнакомых звуков испытуемые пытаются найти для них некоторый аналог среди знакомых звучаний" [20, с. 105], и далее: "правильное опредмечивание звука является необходимым условием формирования адекватного слухового образа" [20, с. 109].

Каким образом эта эталонная ориентированность представлена в языке? Как и в случае с рядом предыдущих модусов, большинство атрибутов звука не эталонны (*прерывистый, тихий, монотонный*). Однако у звука имеется и довольно много атрибутов, ориентированных на эталон. Все они денотатные, но очень четко подразделяются на два типа:

1. Иногда в качестве эталона для сравнения может выступать именование источника звука: *он говорил мягким, кошачьим голосом, я услышал почти человеческие звуки* и т.д. Здесь заслуживают внимания несколько моментов: во-первых, в качестве источников для сравнения выступают преимущественно живые существа (трудно сказать: *Я услышал дверной/тележный/водопадный звук*, употребляя эту фразу не по отношению к источнику, а к характеристике самого звука).

2. Надо признать, что примеры с уподоблением звучания звучанию того или иного источника, именуемого по названию источника, достаточно немногочисленны. В большинстве случаев эталоном выступает именование самих звучаний. При сравнении двух фраз: *Он рассмеялся неприятным каркающим/лающим смехом* и *Он рассмеялся неприятным вороньим/собачьим смехом* – первая воспринимается в

большей степени как обозначающая сам характер звучания (на что похож издаваемый смех), в то время как вторая, если вообще признать ее приемлемость, несет совсем другие коннотации. К этому классу примыкают выражения типа *львиный рык, кошачье мяуканье, собачий лай*. Как кажется, в этом случае мы имеем дело не с качественными, а с относительными прилагательными и даже при уподоблении исходим из номинации звучания, а не номинации источника (*вместо его ответа я услышал львиный рык* – трудно представить употребление в этой фразе нейтрального *звук/голос* вместо специфического звукоизобразительного *рык*).

В этом проявляется специфика звуковых эталонных атрибутов. Она пересекается со спецификой именования звука в целом. Природные звуки и звуки человеческого языка имеют однопорядковую природу: существует ряд показателей, по которым их можно соотносить друг с другом. Это резко выделяет звук на фоне других модусов.

Чрезвычайно привлекательную проблему ставит номинация различных звучаний. Существует специальная интегративная дисциплина, называемая фоносемантикой, которая занимается именно этим вопросом. Основные принципы номинации звучаний рассматриваются в ряде работ С.В. Воронина [21; 22], а также в нашей работе "Природные звуки в семантике языка (когнитивные стратегии именования)" [23]. На основании проведенных исследований можно предположить, что "различные звучания соотносятся с их конкретными обозначениями в языке не непосредственно, а через систему звукоподражательных моделей. Онтологические сущности, репрезентируемые с помощью моделей, представляют собой психофизиологическое восприятие того или иного звучания, опосредованное фонологической системой конкретного языка. Следовательно, их строение определяется, с одной стороны, общими закономерностями психофизиологического восприятия, а с другой – специфическими особенностями того или иного языка" [23].

Как и в случае с модусами вкуса и запаха, требующий рассмотрения вопрос ставит развитие звукопроизводящих систем в человеческом обществе. Как отмечают психологи, "за последние полвека правомерно говорить о качественно новой акустической среде человека" [20]. Специфической особенностью большинства искусственных звуков является отсутствие их натуральных аналогов [20, с. 62]. Язык пытается как-то именовать эти звуки. Примечательно то, что в самом названии этих звуков указывается их отнесенность к чему-то лежащему за пределами реального мира. Существуют *космическая музыка, потусторонние звуки, музыка сфер* и т.д.

Очевидно, что эталонные атрибуты звука или представляют собой производные от имен соответствующих звучаний, или выступают в роли качественно-относительных прилагательных. Однако есть по крайней мере один атрибут, созданный по модели образования атрибутов формы. Это – *громоподобный*. Сама внутренняя форма слова указывает, что это звук, подобный эталонному (в данном случае звуку грома). Хотя гром собственно не является объектом. Здесь наблюдается интересное явление: в принципе, реально гром вполне совпадает с остальными звукообозначениями (писк, скрип и т.д.). Но почему в языке нет, например, *скрипоподобный* (еще раз напомним здесь, что мы рассматриваем усредненный узус. При желании и при известной ситуации можно создать любой окказионализм и имплицировать любое значение любому слову. мы же ориентируемся на данные словарей). Нам представляется, что здесь мы сталкиваемся с тем, что Б.А. Серебренников называет "вторичной антропологизацией языка" [24, с. 10], а Дж. Лакофф "влиянием идеальных моделей" [25, с. 2]. Гром наивным сознанием воспринимается чем-то большим, чем просто звук. Отсюда возможность слова *громоотвод*, фраз типа *упал, как громом пораженный* и т.д.

8. Размер.

Размер относится к модусу зрения. Он вынесен в самый последний параграф, так как категория эталонности преломляется в нем специфически, непохоже на ее преломление во всех других модусах.

Если, говоря об эталонности во всех других модусах, мы иногда утверждали, что

"большинство атрибутов модуса не эталонны", то в случае с размером можно осмелиться на гораздо более сильное утверждение и сказать, что эталонные атрибуты размера исчисляются максимум двумя-тремя. Рассмотрим несколько претендентов на эталонность, а именно слова *гигантский*, *исполинский*, *великанский*, с одной стороны, и *крошечный* – с другой.

Природа слов *гигантский* и *исполинский* несколько иная, чем слов *салатный* или *лящеобразный*. Эти слова также указывают на определенный объект, но можно ли его рассматривать в качестве эталона? Есть ли идеальный гигант или исполин, с размерами которого соотносятся остальные размеры? Допустим, в случае с цветом мы можем предъявить среднюю вишню как эталон вишневого цвета. Отсюда движение возможно лишь в одну сторону – уменьшения тождества, поскольку другого (большого) эталона вишневого цвета нет. В случае же со словами *гигантский* и *исполинский* ориентация идет не на максимум, а на медиум, просто точка отстояния гораздо дальше, чем для *большой*.

Интереснее обстоит дело со словом *крошечный*. Можно сказать: *Они жили в совсем крошечном домике на берегу реки*. В данном случае *крошечный* соотносится с *гигантский*, *исполинский* и обозначает не столько приближение к размерам денотата, сколько удаление от медиума. Тем не менее, представляется, что природа слова *крошечный* отличается от природы слова *гигантский* и *исполинский*. Последние два нереальны, крошка же нечто более реальное. Но какова реальность крошки? Это обозначение предела членения вещества, доступного перцептивному восприятию. И, возможно, говоря *крошечный*, мы ориентируемся не только на медиум, но и на максимум (точнее, минимум). Когда говорят: *С высоты здания он видел крошечные автомобили и крошечных пешеходов*, понимают, что реальные размеры видимых пешеходов и машин приближаются к медиуму. Таким образом, употребление в данном случае слова *крошечный* задает не медиум, а минимум, "размеры которых приближаются к границе перцептивного восприятия".

II. ГРАДУАЛЬНОСТЬ

Что мы понимаем под "градуальными атрибутами"? Данный термин представляется достаточно расплывчатым. Основную группу градуальных параметров составляют антонимичные прилагательные, точкой референции для которых выступает некий медиум, а не максимум. Это прилагательные *большой* – *маленький*, *твердый* – *мягкий*, *громкий* – *тихий* и другие. Такого рода атрибуты можно назвать "прототипами" градуальных атрибутов. Для их природы важны два аспекта: антонимичность и ориентация на медиум. Эти признаки определяются Ю.Д. Апресяном как третий случай антонимов [26, с. 23], а Дж. Лайонзом как собственно антонимы [27, с. 460]. К этой же категории примыкают и прилагательные типа *звонкий* – *глухой*, *сухой* – *мокрый*, *прямой* – *кривой* и другие. В данных прилагательных при сохранении антонимичности менее выражена ориентация на медиум, особенно в паре *прямой* – *кривой*. Их противопоставленность определяется или наличием/отсутствием некоторого параметра: *сухой* – "не содержащий влаги", *мокрый* – "содержащий влагу" – или же один из антонимов определяется позитивно, а второй негативно по отношению к первому: *прямой* – *кривой*. Однако в интересующем нас аспекте эти прилагательные ведут себя во многом сходно с "прототипическими" градуальными атрибутами и потому помещаются в ту же категорию.

Третим типом, который можно отнести к данной категории, является пара *черный* – *белый*. Мы уже отмечали выше (см. с. 80), что в этом они отличаются от остальных прилагательных цвета. Тем не менее, поскольку оба члена оппозиции могут быть определены позитивно через отношение к неким эталонам, эта пара вынесена в первый раздел.

1. Размер.

Мы закончили предыдущий раздел рассмотрением эталонных атрибутов размера и установили, что даже "псевдоэталонные" *гигантский, исполинский, великанский* все же скорее тяготеют к определению через медиум, а не через максимум. Таким образом, если отвлечься от слова *крошечный*, то размер можно считать абсолютно не-эталонным модусом.

С другой стороны, размер является классическим примером градуального модуса, как цвет и форма – эталонного. Поэтому предпочтительнее сначала рассмотреть общие признаки градуальных атрибутов, анализируя прилагательные размера, а затем исследовать их специфическое преломление в остальных модусах.

Прототипические атрибуты размера противопоставлены на основе их соотношения с осями трехмерного пространства:

а) размерность по одной оси:

длинный/короткий OX или OY
высокий/низкий OZ
глубокий/мелкий OZ

Примечательно, что язык противопоставляет в одномерных параметрах ось *OZ* *высокий* и нейтрализует противопоставление осей *OX* и *OY* *длинный*. Было бы очень интересно узнать, существуют ли языки, дифференцирующие эти две оси: т.е. такие, где бы протяженность предмета слева направо (*OX*) обозначалась одним словом, а от себя вдаль (*OY*) – другим (*близкий* и *дальний* сюда не относятся: они характеризуют положение предмета в пространстве, а не его протяженность).

Кроме того, что *OZ* противопоставит осям *OX* и *OY* и специально именуется, она еще имеет и название отрицательного направления: *глубокий-мелкий*. Таким образом, она получается вдвойне маркированной. В концепции Дж. Гибсона [1] поверхность (в русском языке она воспринимается как изотропная) противопоставит третьей (вертикальной) оси и, деля ее пополам, выступает системой отсчета. Интересно добавить, что глубина не всегда воспринимается зрением (в отличие от всех остальных величин): в ряде случаев мы просто знаем это. (Ср. *глубокий овраг, глубокий колодец* vs. *глубокая река, глубокое озеро*).

б) не менее, чем по двум осям: *узкий/широкий*

Прототипически эта оппозиция заключается в противопоставлении двух осей (*OY*) и (*OX*);

в) по трем осям: – *толстый/тонкий*

Отношение площади основания к высоте;

г) гиперонимы, лежащие вне отношения к осям трехмерного пространства: *большой/маленький* (ср. возможность определения: *длинный – большой в длину*).

Следующий вопрос – семантическая противопоставленность большего и меньшего полюсов. Здесь необходимо отметить следующие моменты:

Гиперонимы размера обладают разветвленными полями обозначений для обоих полюсов: *гигантский, громадный, исполинский, огромный* vs. *мизерный, махонький, микроскопический, крошечный*. При этом интересно отметить, что из всех атрибутов только эти прилагательные могут сочетаться со словом *размер*: *большой размер, изделие крошечного размера, дистанция огромного размера* и т.д.

Во всем остальном явно просматривается доминанция большего полюса:

а) определение параметров по большему атрибуту: *длина, ширина, высота, величина* vs. **короткость, *ужина*.

б) использование для обозначения медиума отрицания большего полюса: *невысокий, неширокий* и т.д. – нейтральны, в то время как *немаленький, неузкий* – маркированы. Фразы *это был человек невысокого роста, они жили в небольшом домике* и т.д. воспринимаются как нейтральные характеристики размеров объекта. В

то время как употребление в тех же фразах прилагательных *не низкого роста, не в маленьком доме* имплицитно содержит пресуппозицию, что кто-то утверждал о размерах этих объектов нечто прямо противоположное;

в) неодинаковость значений суффиксальных производных: с одной стороны, *длиннющий, высоченный, толстенный* и т.д., с другой – *коротенький, низенький, тоненький*. *Высоченный* явно намного больше, чем просто *высокий*, чего нельзя сказать о противоположном полюсе. Т.е. словообразовательные суффиксы большого полюса, кроме различных коннотационных значений, вносят и изменения объектных характеристик, в то время как значения производных меньшего полюса в основном ограничиваются именно коннотацией;

г) значение ряда производных слов, имплицитно включающих параметры размера: *ушастый* – "с большими ушами", *объемный* – "больших объемов" и т.д.

В отличие от экстремума, обозначение медиума гораздо беднее: не считая определяемых отрицательно *невысокий, неширокий* и т.д., специальное слово лишь *средний*.

2. Звук.

Теперь опишем особенности градуальных атрибутов в других перцептивных (суб)модусах. Следует отметить, что в них градуальные признаки осложнены качественными значениями. В звуке оппозиция *тихий/громкий* диспропорциональна: весьма разветвлено обозначение громких звуков (*полнозвучный, зычный, оглушительный* и т.д.) и единично поле *тихий*. В этом сходство с размерными атрибутами. Но, что интересно, если синонимы размерных полей не несут дополнительных качественных оттенков (*огромный, громадный, гигантский* в принципе обозначают одно и то же: "очень большой"), то *громоподобный, оглушительный, звучный* вносят и различные оттенки, характеризующие качество звучания.

3. Свет.

В этом модусе градуальные параметры тоже представлены достаточно широко:

а) обозначение характеристики света: свет может быть *ярким*. Ему противостоит *тусклый*. Оба метонимически переносятся на источник: *тусклый фонарь, тусклая луна, яркое солнце*;

б) проницаемость поверхности для света. Это уже не параметры источника света, а параметры поверхности по отношению к свету. Сюда относятся *прозрачный – мутный*. В ряде случаев антонимом к *прозрачному* выступает *тусклый*;

в) характеристика освещенности: *светлый – темный*. Кроме этого, *светлый* характеризует источник света – *светлая лампа*. Интересно, что в данном случае имеется промежуточный член, представляющий однако не медиум, а тяготеющий к *темному: полутемный*.

Необходимо отметить, что оппозиции маркированы: в случае *яркий – тусклый* доминирующим выступает *яркий* (ср. *яркость, неяркий*). То же в случае *прозрачный – мутный* (ср. *прозрачность, непрозрачный*). Для *светлый – темный* точную доминанцию установить трудно. Параметры света могут накладываться друг на друга и пересекаться: ср. *яркий свет – яркая лампа – яркий день; тусклый свет, тусклое стекло* и т.д.

4. Тактильность.

Довольно своеобразно представлена оппозиция градуальных атрибутов в модусе тактильности. В этом случае атрибуты могут характеризовать как поверхность, так и консистенцию. Рассмотрим подробно специфику отдельных противопоставлений.

1) характеристика поверхности:

а) *гладкий – шероховатый*

Первый член оппозиции практически не имеет синонимов. Возможное объяснение этому заключается в том, что *гладкий* и экологически, и психологически более опре-

делен, чем *шероховатый*: если ведя пальцем или взглядом по поверхности, мы воспринимаем ее как однородную, то называем *гладкой*. С *гладким* соотносится слово *ровный* (о поверхности). Как кажется, оба данных слова обозначают полимодальные характеристики, воспринимаемые одновременно зрением и осязанием. В *гладком* преобладает осязательное восприятие, в *ровном* – визуальное (это не исключает возможности употребления их как полных синонимов). В то же время *шероховатый* более разветвлен. Вероятно, природа "шероховатости" более разнородна, чем природа "гладкости": *шершавый, морщинистый, заскорузлый, выщербленный*. Доминация здесь не определяется.

б) *острый – тупой*

Характеристика свойства поверхности. Хотя точнее определить пока трудно. Возможно, характеристика линейного края поверхности. Маркированность сомнительна (т.е. нет столь явного доминирования какого-либо параметра, как, скажем, в размере: *невысокий дом* – вполне нормально, *неострый нож* – сомнительно).

в) *грязный – чистый*

В какой-то мере соотносится с *гладкий – шероховатый*. Но если последняя оппозиция характеризует поверхность саму по себе, то данная – наличие/отсутствие нежелательного слоя. Маркированность опять сомнительна, но, вероятно, все же доминирует *чистый* (ср. *нечистый воротничок*, а также *нечистая сила, нечистые*; ср. большую элементарность образования *чистота* перед *загрязненностью* или *грязью*). Опять, как и в (а), чистота предполагает большую экологическую и психологическую однозначность. Сюда, кроме *чистый* относится *мытый* и его синонимы. Слово *мытый* примечательно тем, что обозначает возвращение к исходному состоянию чистоты от загрязненности. Видов загрязненности очень много: *запачканный, заплыванный, засаленный, захватанный* и т.д. Интересно, что все они – девербативы.

г) *сухой – мокрый, влажный, сырой*

Как и в предыдущих случаях, "сухость" более однозначна. Маркированность неясна. Кроме того следует отметить, что оппозиция (г), равно как и (в), может характеризовать не только поверхность, но и консистенцию: *мокрая тарелка – мокрая губка*.

2) *консистенция*:

Существует тройная оппозиция, номинирующая агрегатные состояния вещества: *твердый – жидкий – газообразный*. Заслуживает внимания то, что такого рода номинация вторична: она основана на новой терминологизации уже имеющихся в языке групп. *Газообразный* является денотатно ориентированным словом ("подобный по консистенции газу") и представляет собой чисто искусственное терминологическое образование. Имена двух других агрегатных состояний являются переосмыслением оппозиций *твердый – мягкий, жидкий – густой*. Интересно, что поскольку этой классификации уже достаточно много лет, то она очень тесно сплелась с "наивной" картиной мира.

Наиболее разветвленную систему номинации мы находим у твердых (кристаллических и аморфных) тел. Здесь с трудом выделяются парные оппозиции, скорее, они представляют ступенчатую шкалу. На одном полюсе – *мягкий, податливый, пластичный*; далее, через *гибкий, упругий, эластичный, пружинистый* – к *твердый, жесткий, плотный, тугой*. Особняком стоит *прочный – хрупкий*. Таким образом, можно выделить тройку *мягкий – гибкий – твердый* и рассматривать ее как основную по степени отношения к деформации: полное изменение при деформации (*мягкий*); деформируемость при восстановлении исходного состояния (*гибкий*); недеформируемость (*твердый*). Разветвленные синонимические ряды вносят в значение данных параметров дополнительные качественные оттенки.

Что касается жидкостей и газов, то, кажется, данные агрегатные состояния не имеют разветвленной системы показателей. Возможна пара *густой – редкий*. (Раз-

личные денотатные прилагательные вносят сюда дополнительные оттенки: *водянистый, маслянистый* и т.д.). Доминирует здесь *густой*. Данные слова в первую очередь употребляются по отношению к жидкостям, хотя возможно их употребление и при упоминании о газах (очень часто в неординарном состоянии): *густой пар, густой туман; разреженный воздух*.

5. Форма.

Как было показано в первом разделе, форма представляет в какой-то мере образец эталонного модуса. Между тем, по крайней мере одна градуальная пара все же выделяется: *прямой – кривой*. Вероятно, эти два слова не воспринимаются столь же определенно относящимися к форме, как, например, *высокий, низкий* – к размеру, а *красный, черный* – к цвету. Тем не менее, можно рассматривать эти параметры как входящие именно в модус формы, поскольку они предназначены для описания контуров поверхности. Сами по себе эти понятия не являются формой, но они представляют собой определенные дифференциальные признаки, определяющие форму.

Как уже указывалось выше, форма не является психологическим элементарным параметром, и процесс восприятия формы тела происходит ступенчато [28]. Следует отметить, что эти два параметра: *прямой* и *кривой*, – не являются собственно градуальными. *Прямой* определяется таким же образом, как и геометрические объекты. Следовательно, этот атрибут является эталонным и разделяет свойства других эталонных атрибутов формы: он может выступать как в абсолютном значении, так и в аппроксимальном. *Кривой* определяется отрицательно через отношение к своему антониму.

6. Остальные модусы: цвет, запах, вкус.

В отличие от предыдущих модусов, данные не содержат собственных градуальных атрибутов. Хотя существуют выражения *сильный запах, приятный вкус, яркий цвет*. Нам представляется, что все эти признаки не собственные, а метафорически перенесены из других областей.

III. ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ, ОБЪЕКТНОСТЬ, ПОЛИМОДАЛЬНОСТЬ

До сих пор мы анализировали восприятие как созерцательное и интрамодальное (замкнутое в пределах одного модуса), имплицитно исходя из допущения, что, во-первых, различные перцептивные модусы изолированы друг от друга; а во-вторых, что человек представляет собой пассивного реципиента, и все законы восприятия обусловлены лишь закономерностями проявления окружающего мира. На самом же деле это далеко не так.

В отличие от традиционной схемы, рассматривающей восприятие как цепочку блоков преобразования информации, на вход которой попадают изолированные сигналы, а на выходе получается сознательный образ, общепринятой для современной психологии является идея о том, что познание вообще, и восприятие в частности, являются формами человеческой активности. Как отмечает У. Найссер, для построения адекватной модели восприятия необходимо описать познавательную активность в том виде, какой она имеет в контексте естественной целенаправленной деятельности [29, с. 29]. Таким образом, восприятие можно рассматривать как систему действий, направленных на обследование воспринимаемого объекта и на создание его образа: нечто вроде "уподобления" предмету движений руки, глаза и т.д. [13].

Характерный для современной психологии подход позволяет установить, что роль деятельности и человеческого опыта чрезвычайно активно воздействует на саму природу восприятия. Так, Е. Голдштейн, описывая факторы, влияющие на восприятие вкуса пищи, специально отмечает среди них вкусовой предшествующий опыт, а также воспитание [6, с. 423].

Тактильное восприятие тоже во многом определяется человеческой активностью.

В современной психологии даже специально различают т.н. *active touch* и *passive touch*. Отмечается, что мы действуем активно, используя пальцы для обнаружения мелких предметов, изучая текстуру объекта [30]. Двигая рукой вдоль предмета, мы не воспринимаем его как движущийся, и наоборот [31]. Согласно Л. Крюгеру и Д. Катцу, "мы имеем тенденцию соотносить пассивное тактильное восприятие с ощущением, испытываемым кожей, а активное – с исследуемым объектом" [32, с. 338]. Р. Гибсон считает, что одно из основных различий между активным и пассивным восприятием заключается в следующем: при активном осязании стимулируются рецепторы не только кожи, но и рецепторы суставов и сухожилий, и их взаимодействие формирует исчерпывающее восприятие тактильной природы объекта [30].

О влиянии человеческой деятельности на слуховую и зрительную системы написаны сотни трудов [см. 33]. Применительно к запаху специальной литературы немного, однако можно предположить, что, как и в случае со вкусом, на восприятие запахов оказывает большое влияние предшествующий опыт, воспитание, а также ожидания воспринимающего.

Для строения деятельности существенно "не только то, что она исходит от субъекта, но также и то, что она направляется на объект и в самом внутреннем содержании обусловлена им. Ощущение, вообще психические явления должны рассматриваться в их отношении к объективной действительности, которую они специфическим образом отражают" [34, с. 205].

По мнению, А.Н. Леонтьева, важнейшей особенностью субъективного образа является его предметность (объективированность). В образе нам даны не наши субъективные состояния, а сами объекты; при восприятии субъект не соотносит "образ" с "вещью": "образ" как бы наложен на "вещь" [35, с. 40]. Предметность образа – не некая внутренняя организация хаоса (как полагали представители гештальтпсихологии), а "органическая связь отраженных в нем пространственно-временных и интенсивных характеристик" [20, с. 11].

Целостность предметного образа тесно соотносится с полимодальностью [20, с. 13]. Большинство стимулов имеет полимодальный характер. Например, "мы видим идущего человека и слышим звук его шагов; чувствуем вкус предмета, одновременно воспринимая его тактильные и обонятельные (можно добавить, что и визуальные, не считая внеперцептивных. – Р.И.) характеристики" [29, с. 51]. По мнению Найссера, "схемы, принимающие информацию и направляющие ее дальнейший поиск, носят обобщенно перцептивный характер" [29, с. 51].

Итак, согласно современным психологическим концепциям, человеческое восприятие, во-первых, функционально (деятельностно), во-вторых, объектно, в-третьих, полимодально.

Перед тем, как перейти к описанию данных параметров, уточним, что мы понимаем под полимодальностью. Последнюю следует отличать от интермодальности, основанной на явлении синестезии (*мягкий свет, резкий звук, хрустальный голос* и т.д.) В психологии под синестезией понимают "такое слияние качеств различных сфер чувствительности, при котором качества одной модальности переносятся на другую, разнородную, – например, при цветном слухе качества зрительной сферы – на слуховую" [34, с. 216]. С точки зрения лингвистики, синестезия – употребление слова, значение которого связано с одним органом чувств, в значении, относящемся к другому органу чувств. При интермодальности всегда можно выделить первичный модус, по аналогии с которым рассматриваются другие (допустим, в случае *мягкий свет* первичность тактильного модуса очевидна и выражение представляет собой метафору). При полимодальности один и тот же атрибут объективен, а не метафорически, относится к нескольким модусам.

Рассмотрим преломление этих трех параметров – функциональности, объективности и полимодальности – в различных перцептивных модусах.

1. Свет и цвет.

Свет может быть окрашен. Самым ярким примером этого является описание замка

принца Просперо в новелле Э.А. По "Маска красной смерти", где каждая из разноцветных комнат освещалась соответствующим светом. Таким образом, вполне возможны выражения *красный свет*, *синий свет*. В отличие от, например, *мягкий свет*, первые признаки присущи свету вполне объективно, а не метафорически.

В то же время и цвет может иметь определенный световой компонент: цвет может быть *ярким/тусклым*, *светлым/темным*. Эта полимодальность вводит в цвет ряд градуальных атрибутов. Причем очень интересно, что языком (по крайней мере русским) четко противопоставляются собственно цветовые атрибуты (*красный*, *синий*, *багровый* и т.д.) атрибутам полимодальным. Язык имеет достаточно разветвленный аппарат их различения. Допустим, выражения *красный цвет* и *яркий цвет* иногда выступают как аналогичные, но в большинстве случаев они четко дифференцированы: а) *яркие цвета*, но? *красные цвета*; б) на вопрос, какого цвета? – трудно ответить просто: *яркого*; в) *яркий цвет*. Вполне правомерен вопрос: *Какой конкретно?* г) *очень яркий*, но? *очень красный*; д) *какого-то яркого цвета*, но? *какого-то красного цвета*.

2. Форма и размер.

Мы рассмотрим следующие вопросы: во-первых, определение формы и размера с точки зрения функциональности, во-вторых, полимодальные атрибуты общие для формы и размера и, в-третьих, полимодальные атрибуты, объединяющие форму и размер с другими модусами.

Возьмем для примера слова *вместительный*, *поместительный*, *портативный*, *карманный*: они явно имеют отношение к размеру. Но как они определяются? С нашей точки зрения, функционально и предметно (объектно), а не через эталон или медиум. Какой рюкзак или комнату мы называем *вместительными*? Очевидно, те, в которые можно поместить достаточное количество предметов (как и в других размерных атрибутах, здесь также идет апелляция к имплицитной норме и также наблюдается доминанция большего полюса). Так же мы называем *портативным*, или *карманным* некий аналог большого предмета, легко поддающийся переноске или уместяющийся в кармане (очень интересно, что форма слова *портативный* непосредственно отражает именно это значение. Весьма вероятно, что слово не воспринимается как мотивированное именно таким образом большинством носителей языка, тем не менее восприятие соответствующего значения сохраняется).

Привлекают внимание и прилагательные *микроскопический*, *увеличительный*, *уменьшительный*. В их семантике отражено использование различных приспособлений для изменения размеров образа воспринимаемого объекта. *Увеличительным* стекло называется не потому, что оно как-то влияет на размеры самого объекта, а потому, что увеличивает размеры образа для восприятия. Слово *микроскопический* означает не "размером с микроскоп", а "видимый с помощью микроскопа": *микроскопические водоросли*, *микроскопические существа*. В переносном смысле данное слово может употребляться и в значении "очень маленький".

Итак, данные атрибуты определяются предметно и функционально. Но и самые простые атрибуты размера также содержат отношение субъекта к объектам и возможной деятельности с ними. Рассмотрим с этой точки зрения слово *узкий*. Прототипически мы определили его значение как пропорцию соотношения (ОУ) и (ОХ). Предположим следующую ситуацию: мы подъезжаем на грузовике к реке, через которую перекинут мост два метра в ширину и три в длину (т.е. соотношение сторон само по себе не соответствует значению "узкий"), и, посмотрев на него, заявляем: *Мост слишком узкий – машина не проедет*. Можно привести еще десятки других подобных случаев, в которых ряд размерных атрибутов определяется функционально.

Вышеприведенная ситуация может показаться примером субъективности ощущения. Но это несколько различные вещи. Допустим, и светлая комната может

показаться полутемной после яркого света улицы (субъективность восприятия), в то же время она может определяться как светлая или темная с точки зрения деятельности, имеющей в ней место (т.е. восприятие зависит не только от субъекта, но и от чего-то объективного).

Аналогичный феномен наблюдается у атрибутов формы. Но количество этих атрибутов намного меньше (может быть, и потому, что атрибуты формы эталонны, а не градуальны). Пока мы обнаружили лишь слово *обтекаемый*: определение формы предмета через возможную деятельность с ним.

Приведены несколько примеров полимодальности атрибутов формы и размера. Во-первых, *развесистый, раскидистый*: здесь прослеживается явное взаимодействие этих двух параметров. Какое дерево называется *раскидистым*? С ветвями определенного размера (большого) и определенной конфигурации.

Или слово *громоздкий*. Чем оно отличается от слова *большой*? Тем, что, во-первых, имеет отношение и к форме (все три параметра измерения должны быть более или менее сопоставимы), а во-вторых, непосредственно соотносится с деятельностью субъекта (*громоздкий* – "большой и занимающий много места").

Далее опишем пересечение с модусами других перцепций. Большинство психологов указывают на связь визуальных параметров прежде всего с тактильными: мы не просто видим предмет, мы берем его в руки или обходим его с разных сторон, не только рассматривая, но и ощупывая его. Отражается ли эта полимодальность в языке? В ряде случаев отражается. Допустим, слово *массивный* определяется как "большой и тяжелый" (трудно назвать *массивной* тяжелую, но маленькую вещь или, наоборот, большую и легкую). Или *узкий рукав, тесная квартира*? Эти параметры воспринимаются не только глазами, но и телом: рукой – узость рукава, всем корпусом – теснота квартиры.

3. Зрение и тактильность.

Диффузия зрения и тактильности проявляется гораздо шире, вплоть до того, что во многих случаях нельзя указать, какой из модусов первичен при определении конкретного атрибута. Есть ряд параметров, воспринимаемых прежде всего тактильно: *мягкий, жесткий, твердый* и т.д. Мы не можем по виду хлеба на прилавке определить его мягкость. Но, в то же время, другие параметры воспринимаются полимодально: иногда можно выделить доминанцию того или иного модуса, но в принципе зрение и тактильность здесь очень тесно взаимосвязаны. К этим атрибутам относятся, например, *студенистый, жидкий, дряхлый, дряблый* и т.д. Эти параметры мы можем определить и на вид, но чтобы окончательно убедиться в правильности, предметы хорошо бы потрогать. *Шероховатый, ворсистый, пушистый* на вид определяются достаточно безошибочно, но ведь их можно определить и на ощупь. Идем далее: форму и размер в принципе можно определять и на ощупь, но здесь все же зрение гораздо надежнее. А следующие визуальные субмодусы – свет и особенно цвет – определяются только визуально.

4. Вкус и запах.

Всеми психологами отмечается, что эти два модуса чрезвычайно тесно взаимосвязаны [36]. И в языке они обладают широким набором общих атрибутов. Одно и то же прилагательное определяет и вкус предмета, и его запах. Интересно то, что достаточно часто эти слова употребляются применительно к несъедобным объектам, обладающим тем не менее специфическим вкусом и запахом. С одной стороны, мы говорим: *пикантный/пряный запах какого-то блюда, пикантный/пряный вкус какого-то блюда*, с другой – *солёный запах моря и солёный вкус морской воды, горький запах полыни и полынь горькая на вкус* и т.д. Примечательно, что доминирующим здесь, по-видимому, является вкус. Характерный запах предмета обозначается тем же атрибутом, что и его вкус. Однако употребление данных определений по отношению к запаху не представляет собой метафоры (в противоположность, допустим, *резкому/сильному запаху* – данные запахи действительно дифференцируются).

Кроме того, в ряде случаев вкус блюда представляется как комплексное образование, определяемое, с одной стороны, собственно вкусом, а с другой — издаваемым пищей запахом. Общеизвестно явление изменения вкуса блюда при невозможности ощущать его запах (как, скажем, при насморке) [36].

Обратного явления перенесения типично "запаховых" атрибутов на вкус не наблюдается: ряд атрибутов относится только к запаху (*благоуханный, пахучий* и т.д.).

5. Звук.

Не существует каких-то параметров, которые звук разделял бы с другими модальностями. Сочетания типа *бархатный голос, высокий звук* и другие представляют собой примеры не полимодальности, а синестезии (метафорического переноса одного перцептивного модуса на другой). Возможно это определяется специфической объективной природой звука. В системе модусов он стоит несколько особняком от других, являясь наименее "вещественным". Однако и в данном случае язык отражает отмечаемую всеми психологами полимодальность зрительного и слухового восприятия. Это сочетания типа *немой вопль; бесшумные шаги* и т.д.

Итак, на основе языкового критерия можно выделить следующие перцептивные модусы: 1. Только зрение; 2. Зрение/тактильность; 3. Только тактильность; 4. Только вкус; 5. Вкус/запах; 6. Только запах; 7. Только звук.

Для отнесения атрибута к тому или иному модусу следует установить, какой из глаголов направленного восприятия (*посмотри, послушай, потрогай, понюхай, попробуй*) употребляется для определения атрибута, например:

а) *посмотри, какой красный*. Ни один из глаголов других модусов в данном случае употреблен быть не может;

б) *посмотри, какой круглый, посмотри, какой большой*. В этом случае *посмотри* намного привычнее, чем *потрогай*. Последнее в основном употребляется при необходимости восприятия маленьких предметов в условиях ограниченной видимости: *потрогай, какая большая шишка на голове*;

в) *посмотри, какой пушистый* или *потрогай, какой пушистый*;

г) *потрогай, какой мягкий*. Употребление глагола *посмотри* возможно лишь в том случае, если кто-нибудь производит тактильные действия с объектом.

д) *попробуй, какой горький*. Несмотря на возможность применения данного атрибута и к запаху, в этом случае *горький* относится только ко вкусу;

е) *попробуй, какой пряный* и *понюхай, какой пряный*;

ж) *понюхай, какой ароматный*. Употребление в данном случае *попробуй* даже в применении к съедобному объекту все же маловероятно: ароматность определяется по запаху, а не на вкус.

з) *послушай, какой тихий*. Ни один из других перцептивных глаголов здесь невозможен (этот случай не следует путать с употреблением глагола *смотреть* в переносном значении. *Посмотри, какой мелодичный тон у этой гитары* никак не означает "восприми данный параметр с помощью зрения").

Мы описали довольно подробно специфику эталонных и градуальных атрибутов в различных перцептивных модусах, остановились на способах отображения в языке функциональности, предметности и полимодальности восприятия, а также рассмотрели особенности гиперонимов перцептивных модусов. Тем не менее, настоящая статья представляет собой лишь робкую попытку подойти к исследуемому материалу во всей его полноте. Чрезвычайно много осталось за рамками описания. Здесь мы лишь укажем аспекты исследования, которые представляются наиболее интересными.

1. Характеризующие атрибуты (атрибуты-прилагательные) различных модусов обладают еще целым рядом параметров:

а) сравним два сочетания: *сладкое пирожное* и *вкусное пирожное*. В первом случае возможно описание значения признака чисто в объективных терминах: *сладкий* — "подобный вкусу сахара". Во втором случае объективное описание в принципе

невозможно. Что такое *вкусное пирожное*? – "обладающее **хорошим, приятным** вкусом". Но "хороший" и "приятный" – не объективные термины.

Таким образом, возникает чрезвычайно интересный вопрос, какова роль субъективного компонента в значении перцептивного атрибута. Тем более стоит отметить, что роль этого компонента не ограничивается только оценкой, он вносит в значение и ряд качественных оттенков. Если мы сравним пару *громкий звук – замогильный звук*, то увидим, что значение второго атрибута можно описать лишь как "глухой и мрачный". Но "мрачный" – не объективный и не оценочный термин.

Насколько характерны атрибуты этих двух типов для различных перцептивных модусов и каковы их специфические особенности?

б) и *громкий звук*, и *прерывистый звук* – оба существуют во времени. Но для того, чтобы исчерпывающе описать значение первого атрибута, совсем не нужно указывать, как именно данный признак разворачивается во времени. Для второго атрибута указание на особенность его протекания во времени составляет основную часть значения.

Существует ли временной параметр у других модусов? И, если существует, одинакова ли его природа в них? Почему, говоря *ровный цвет, ровная поверхность*, мы понимаем, что *ровный* характеризует пространственный параметр, тогда как *ровный свет, ровное гудение* – явно временной?

в) чем определяется способность атрибута сочетаться с метасловом, именуемым перцептивный модус? Почему можно сказать *большого размера, огромного размера, крошечных размеров*, но не *высокого размера?*, *узкого размера?*, *малогобаритного размера?*

г) в отличие от полимодальности, где атрибут именуется параметр, воспринимаемый одновременно несколькими органами чувств, в случае интермодальности (синестезии) атрибут одной перцепции метафорически употребляется применительно к другой. Почему можно сказать *мягкий голос*, но не *громкая шероховатость*? Почему голос и цвет могут быть *глубокими*, но не могут быть *мелкими*? Или в более общем виде: что выступает в роли исходных модусов, атрибуты которых чаще всего переносятся на другие модусы? По какому принципу экстраполируются интермодальные атрибуты? Каковы их особенности в различных модусах? Одинаково ли употребление парных антонимичных атрибутов?

д) насколько говорящее на русском языке люди знают систему обозначения перцептивных параметров? Многие ли с легкостью укажут эталон, скажем, для *патинового* или *фрезового* цвета? Все ли легко подберут определяемое существительное к прилагательному *творожистый*? Вообще, насколько одинаковы ограничения на употребление и сочетаемость различных атрибутов в различных идиолектах?

2. Признак может рассматриваться не только как нечто статичное, он может быть и динамическим. В русском языке динамический признак выражается глаголами:

а) признак может не только быть, но и проявляться: *васильки синеют в траве, ворона каркает, вино кислит* и т.д.,

б) признак может не только проявляться, но и изменяться: *яблоки покраснели, клей загустел, вино прокисло* и т.д.,

в) признак может не только изменяться сам по себе, но и быть изменяемым, и эти изменения тоже так или иначе воспринимаются органами чувств: можно *белить стену, солить суп, смягчать кожу* и т.д.

3. Какие действия производит человек, чтобы воспринять все многообразие чувственного мира? Как он называет эти действия? Почему существуют специальные широкоупотребляемые глаголы со значением "воспринимать с помощью зрения" (*видеть*) и "воспринимать с помощью слуха" (*слышать*), а обозначение вкусовых

ощущений идет через глаголы-гиперонимы *чувствовать, ощущать*? Почему существует специальное слово "дать посмотреть" (*показать*), с одной стороны, и только описательные выражения *дать потрогать, дать попробовать* – с другой?

4. С помощью *обоняния* мы воспринимаем *запах*, с помощью *слуха* – *звук*. Это общеизвестно. А что мы воспринимаем с помощью *осязания*? В психологии принято считать, что *качество поверхности* и *консистенцию*. Но так ли это очевидно для обыденного сознания? А какой параметр, выражаемый одним словом, мы воспринимаем с помощью *зрения*? – *Вид? Образ? Картину?*

Нам представляется, что описание всей перцептивной системы в целом позволит установить ряд чрезвычайно интересных и важных закономерностей, определяющих механизмы отображения окружающего мира в языке и особенности так называемой "логики языка".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М., 1988.
2. Ломов Б.В. Кожная чувствительность и осязание // Познавательные процессы: ощущение, восприятие. М., 1982. С. 197–218.
3. Active touch / Ed. by G. Gordon. N.Y., 1978.
4. Tactual perception: a sourcebook. Cambridge, 1982.
5. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1986.
6. Goldstein E.B. Sensation and perception. Belmont, 1984.
7. Печкова Т.А. Системы классификации цвета. М., 1969.
8. Hurvich L. Color vision. Sunderland (Mass.), 1981.
9. Соколов Е.Н. Психофизиология цветового зрения // Познавательные процессы: ощущение, восприятие. М., 1982. С. 167–178.
10. Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. М., 1984.
11. Berlin B., Kay P. Basic colour terms: Their universality and evolution. Berkeley, 1969.
12. Rosch E. The nature of mental codes for colour categories // Journal of experimental psychology. 1975. V. 1. № 4.
13. Величковский Б.М. Функциональная структура перцептивных процессов // Познавательные процессы: ощущение, восприятие. М., 1982. С. 219–246.
14. Словарь русского языка в 4-х т. М., 1981.
15. Лещицкая Ж.В. Прилагательные вкуса в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.
16. de Vries H. Stuijver M. The absolute sensitivity of the human taste of smell // Sensory communication. Cambridge, 1961.
17. Desor J.A., Beauchamp G.K. The human capacity to transmit olfactory information // Perception and psychophysics. 16, 1974.
18. Скобелева Г.Н. Качественные прилагательные, обозначающие физические ощущения // История слова в текстах и словарях. Ставрополь, 1988. С. 106–114.
19. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Харьков, 1899. Вып. 3.
20. Носуленко В.Н. Психология слухового восприятия. М., 1988.
21. Воронин С.В. О семантической структуре звукоподражательного слова // Смысл и значение на лексическом и синтаксическом уровнях. Калининград, 1986.
22. Воронин С.В. Основы фоносемантики. Л., 1982.
23. Рузин И.Г. Природные звуки в семантике языка / Когнитивные стратегии именования // ВЯ. 1993. № 6. С. 17–28.
24. Серебренников В.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1987.
25. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. 1988.
26. Апресян Ю.Д. Современная лексическая семантика. II.: Синонимические средства языка и правила перефразирования // РЯНШ. 1972. № 3.
27. Lyons J. Introduction to theoretical Linguistics. Cambridge, 1969.
28. Lindsay P.H., Norman D.A. Human information processing, 2-nd. N.Y., 1977.
29. Найссер У. Познание и реальность. М., 1981.
30. Taylor M.M., Lederman S.J., Gibson R.H. Tactual perception of texture // Handbook of perception. V. 3. N.Y., 1973.

31. *Gibson J.J.* Observation on active touch // *Psychophysical review*. 1962. 69.
32. *Kruger L.M.* David Katz: Der Aufbau Der Tastwelt: A synopsis // *Perception and psychophysics*. 1970. 7. P. 337–341.
33. Проблемы восприятия. Свердловск, 1991.
34. *Рубинштейн С.П.* Основы общей психологии: В 2-х тт. М., 1989.
35. *Леонтьев А.Н.* Ощущение и восприятие как образы предметного мира // *Познавательные процессы: ощущение, восприятие*. М., 1982. С. 32–50.
36. *Geldard F.A.* The human senses. N.Y., 1972.